

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ЛЕГЕНДЫ БЕЛОРУССКИХ ЛЕСОВ (История одного краеведческого поиска)

М. Ф. МЕЛЬНИКОВ

Вот уже два десятилетия ведутся поиски неизвестных героев Великой Отечественной войны. Огромный вклад в эту работу внесли энтузиасты-краеведы. Один из них, директор Кричевского краеведческого музея М. Ф. Мельников, не раз выступавший на страницах нашего журнала, рассказывает о том, как шаг за шагом была раскрыта история неизвестного партизанского отряда, героически сражавшегося на Кричевщине.

1. ПО СЛЕДАМ ПЕРВОЙ ЛЕГЕНДЫ

Еще в начале 50-х годов, работая сельским библиотекарем и директором районного Дома культуры, я записал несколько легенд. Одна из них рассказывала о поединке советских воинов с эсэсовцами в деревушке Комаровке, расположенной неподалеку от города Кричева.

Группа наших десантников, вооруженных ручными пулеметами, немецкими автоматами и русскими десятизарядными винтовками, сражалась против целого батальона СС. Потом немцам еще подвозили подмогу на санях, на железнодорожных платформах. Бой, начавшийся после полудня, затих лишь к ночи. Почти все десантники погибли, и лишь два-три человека спаслись. Некоторые говорили, что десантников было всего четверо и трое погибло, а немцев они убили 72 человека и еще больше ранили. Другие — что героев было семеро и трое из них ушли в лес, а на поле осталось 82 фашиста.

Кто поверит, что семеро десантников в открытом бою, в деревне, не имея даже окопа, уничтожили столько фашистов, да еще трое из семи ушли живыми? Это казалось просто легендой. Но вот одно обстоятельство заставляло прислушаться к ней. По улице Советской в городе Кричеве в те дни действительно везли множество трупов немецких солдат — целый санный обоз. И это подтверждают десятки кричевцев. Они же говорят, что в Комаровке действительно был бой группы наших десантников с карателями.

В деревне Полоница работает активный краевед, учительница Дарья Васильевна Шведова. А что если попросить ее уточнить: не лежит ли в основе легенды факт?

Дарья Васильевна, выслушав меня, сказала:

— А я сама помню этот вечер, помню, как несколько часов до нашей деревни долетал грохот боя, как пылали хаты в соседней Комаровке. На завтра мы узнали, что там семеро наших воинов несколько часов сражались с большим числом эсэсовцев, которых подбросили из Кричева на железнодорожных платформах. Немцы понесли очень большие потери. Около восьмидесяти фашистов остались лежать на снегу. После мы сами ходили в Комаровку смотреть место боя. Видели пожарища двух домов, в которых в ночь перед боем ночевали бойцы.

— Когда же примерно происходил этот бой?

— Я помню точно — это было в ночь с 21 на 22 февраля 1942 года, — ответила учительница. — Моя мама в ту ночь родила младшую сестру.

Вот каким необычным путем удалось установить дату боя. Как видим, в поисках самые неожиданные детали вдруг приобретают значение документа.

По нашей просьбе Шведова с группой учащихся Полоницкой средней школы провела поход в Комаровку. Итоги похода были обнадеживающими. Жители деревни рассказали ребятам, что десантников было семеро, что они ночевали в двух домах, у двух родственников — Морозовых. Убито было четверо, а трое спаслись. Но кто они, эти бесстрашные воины, узнать так и не довелось.

В 1961 г. из далекой Сибири, из Кузнецка приехал на родину уроженец деревни Комаровка, коммунист, бывший партизан Василий Дворяченко. Ему было почти восемнадцать лет в те времена, и он должен был кое-что знать о героях легенды. Дворяченко подтвердил полученные ребятами сведения и сообщил, что командовал партизанами учитель из Крыма по имени Анатолий. Среди десантников были представители нерусской национальности. Может быть, то были казахи или грузины, а может, и азербайджанцы. Одеты они были в гражданскую одежду, лишь один носил пиджак из шинельного сукна.

Бывший секретарь Кричевского подпольного райкома партии Кузьма Андреевич Реуцкий сообщил нам, что трое из семерых героев (действительно казахи или татары) за несколько месяцев до этого хотели примкнуть к действовавшему в тех местах отряду имени Чапаева, но его командир Золотаренко отнесся к ним с недоверием. Тогда они соединились с группой окруженцев в лесу возле деревни Лучевинки и потом уже в составе семерки вели бой в Комаровке (где двое из них, а может быть, и все трое, погибли). По мнению К. А. Реуцкого, подвиг семерых в Комаровке — это одна из самых славных страниц войны в тылу врага, образец не только мужества, отваги, но и воинского мастерства. Семеро героев построили бой так, что немцы, со всех сторон ведя огонь по ним, стреляли и по своим атакующим цепям.

В начале 60-х годов председатель колхоза в д. Комаровка Авдеенко неоднократно, встречая меня, говорил:

— Колхозники Комаровки все время просят выяснить имена героев, которые погибли в бою в 1942 г. Такие герои, а имена неизвестны.

Когда 15 октября 1961 г. в Кричеве открылся краеведческий музей (директором которого я стал), жители Комаровки часто заходили к нам, чтобы узнать о ходе поисков героев легендарного боя, и сами добавляли некоторые новые детали.

Рабочий цементно-шиферного комбината А. Чертков и железнодорожник В. Глазков рассказали, что все семеро героев могли спастись, если бы один местный житель не указал эсэсовцам на бегущих по полюсе стелющегося дыма десантников. Они вспоминали, что убитых долго не хоронили, так как разъяренные фашисты пригрозили немедленно сжечь деревню, если кто-нибудь осмелится предать трупы земле.

Что же это был за отряд, какова история его создания и боевого пути? Начались длительные изыскания по литературным и историческим источникам, по архивам. Самое тщательное изучение книг, статей, заметок, очерков, посвященных истории партизанского движения в нашем крае, не дало результатов. Запросы в архивы также не принесли утешительных данных. Много времени ушло на изучение печатных и архивных материалов о десанниках, которых забрасывали в наш край в 1941 и начале 1942 гг. Но и тут не удалось выявить ни малейших сведений о героях боя в Комаровке. В добрых двух десятках книг по истории партизанского движения в нашем крае, в архивах не нашлось ни слова о славном отряде, действовавшем в районе Могилевщины. Но фашисты

сосредоточили здесь большие контингенты фельджандармерии, эсэсовцев, полиции. Значит, интересующий нас отряд и другие такие же не известные нам пока партизанские группы держали врага в постоянном напряжении и страхе. Не случайно полицаи летом спали в картошке, в специальных укрытиях.

Хотя изучение литературы и архивные розыски не принесли желаемого успеха, все же они помогли гораздо шире представить картину борьбы десантных групп и партизанских отрядов в нашей области в 1941—1942 гг., глубже понять обстановку, лучше ориентироваться в сложных вопросах борьбы в тылу врага. Вообще изучение печатных и архивных материалов, документов, фотографий при любом краеведческом поиске неизмеримо углубляет наши познания и позволяет краеведу-искателю сделать те верные логические предположения, которые облегчают работу и которые иногда несправедливо относят к области «невероятной интуиции».

Шире представив общую обстановку в данном районе, развитие борьбы, мы могли теперь подробно, квалифицированно опросить очевидцев боя. Необходимо было начать сбор сведений о партизанских и других вооруженных группах, которые в первые две декады февраля 1942 г. продвигались по направлению к Комаровке. Откуда пришли герои боя? По утверждениям свидетелей из Комаровки, они спрашивали дорогу на станцию Темный Лес. А за станцией был огромный дремучий лес, в котором базировались партизанские группы и отряды. Позади этого леса начиналась Смоленщина, а дальше — линия фронта. Вероятно, неизвестные искали путь на восток, к линии фронта.

2. ПО СЛЕДАМ ВТОРОЙ ЛЕГЕНДЫ

В самом начале 50-х годов я собирал материалы о подвиге московских артистов Александра Окамова и Геннадия Лузенина, оказавшихся во время войны в нашем крае и связанных с большой группой узников лагеря смерти в Кричеве, с окруженцами. Пойманные гестапо, они были подвергнуты многодневным нечеловеческим пыткам, но никого не выдали. Обоих казнили. В связи с этими розысками мне пришлось беседовать с А. Корогодовым, тогда подростком, а ныне врачом на целине. Он рассказывал, что во времена оккупации не раз слышал о каких-то лейтенантах, парами или группами ходивших по району и наводивших страх на врагов.

Известная партизанская разведчица А. Р. Зеленкова сообщила, что однажды к ней на квартиру в городе Черикове (в 26 км от Кричева по шоссе Москва — Брест — Варшава) зашел неизвестный человек. Он спросил, здесь ли живет Зеленкова, и передал ей привет из Кричева. Зеленкова ответила, что у нее в Кричеве никого знакомых нет. Неизвестный усмехнулся, потом сказал: «Вы мне не верите, это ваше дело, но через три часа вы обо мне услышите. Только на улицу не выходите».

По просьбе Зеленковой незнакомец назвал свое имя: Гришка-Мишка. Больше она его никогда не видала. А через три часа на окраине города на заминированном шоссе подорвался батальон СС, шедший с учений, и несколько десятков фашистов взлетело в воздух.

Адрес Зеленковой могли указать Гришке-Мишке либо Окамов и Лузенин, единственные тогдашние знакомые ее в Кричеве, либо руководитель подполья в Черикове поэт Иван Денисенко, впоследствии также расстрелянный по приговору специального суда гестапо.

Как я уже знал раньше, Иван Денисенко до марта 1942 г. жил в деревне Норки и был там связан с группой военнопленных. Быть может, военнопленные одной из таких групп и шли к линии фронта через Комаровку. А быть может, с такой группой имели связь А. Окамов и

Г. Лузенин, ибо Гришка-Мишка был явно военнопленным. Нужно было развернуть поиски на севере Кричевского и Чериковского районов. Там действовали группы окруженцев, о которых хотя и мельком, но упоминали оставшиеся в живых сподвижники Ивана Денисенко. Деревня Норки и соседние села привлекали мое внимание. Постепенно я узнал, что в этом месте действовало в 1941—1942 гг. несколько групп, но они были крайне малочисленны.

Однажды мне случилось разговаривать со служащим А. Емельяновым. Был он родом из деревни Волчас, что находится в интересовавшем меня районе. Я стал расспрашивать, не слышал ли он что-либо о действовавших там окруженцах. Емельянов рассказал, что два окруженца — называли их не то «Гришки-Мишки», не то «Толики», — весной 1942 г. героически сражались в деревне Волчас и сгорели в доме, но полицаям не сдались.

Все эти сведения были весьма отрывочны и неопределенны. Но вот неожиданно в наш музей пришло письмо. Редакция газеты «Красное знамя» из соседнего Краснопольского района Могилевской области сообщила о полученном ею письме директора Вилиховской средней школы Быховского района Петра Папченко. В письме рассказывалось о действиях легендарного отряда партизан под командованием «Толика». Папченко сообщал, что отряд «Толика» наводил ужас на фашистов и изменников Родины. В письме излагалась история боя партизан Анатолия с карателями в Земском лесу возле деревни Гойков. 150 полицаяев с пулеметами так и не смогли уничтожить отряд и понесли огромные потери. Погиб Анатолий, по сведениям автора письма, за Сожем, в лесу Василевщина, когда отряд ушел на операцию, а раненый командир оставался в штабной землянке с дневальным и связистом. Он долго бился, был снова ранен и метнул в карателей последнюю связку гранат.

В этих сообщениях П. Папченко было много далекого от истины, но были, как мы убедились позже, и драгоценные крупинцы правды. Однако настораживало упоминание о месте гибели Анатолия. За Сожем не могло быть неизвестных землянок и отрядов. Там действовали партизаны, история которых хорошо изучена. Нам известны многие командиры, комиссары, бойцы, сражавшиеся в этом районе, но они не слышали о «Толике» и его отряде. Поэтому к письму Папченко у меня и моих товарищей по поискам зародилось недоверие. Ошибка была слишком явной. И тем не менее мы решили вести розыски по указанному в письме направлению. Папченко уверял, что об отряде Анатолия должны знать жители сел Гойков, Горки, Удога, Холоблин и др. Деревни эти расположены не так уж далеко от упоминавшейся выше деревни Норки.

Я решил прибегнуть к помощи учителей из этих сел, попросить их разузнать побольше о легендарном отряде.

Одновременно я стал подробно опрашивать посетителей нашего краеведческого музея — колхозников, учащихся, служащих, рабочих из Восточной Могилевщины и соседних районов Смоленщины. Среди них быстро нашлись жители нужных деревень.

В. Капустин припомнил, что действительно в районе их сел сражался партизанский отряд, командира которого звали Анатлием. Был он как будто татарин. Житель села Горки В. Тароев добавил, что в лесу возле деревни Гурко-Нива есть и ныне землянка отряда Толика, ее можно разыскать. В 1941 г., летом или осенью, Анатолий из пистолета застрелил ехавшего в машине важного немецкого офицера. Потом в одном из боев командир отряда был ранен, он хромотал. Погиб Толик во время боя в лесу с большой карательной экспедицией, когда в одиночку остался прикрывать отход отряда. Умирая, он успел застрелить приехавшего из Германии крупного офицера, руководившего карательной экспедицией.

Теперь наше внимание было обращено на деревню Гурко-Нива как на одну из опорных баз партизан Анатолия. Нам подсказали, что в г. Черикове работает официанткой в столовой Дарья Федоровна Шеметова. Жена погибшего в самом начале войны сотрудника НКВД, она с первых дней пребывания отряда в ближних лесах поддерживала связь с народными мстителями. Более того, у нее несколько дней скрывался раненый Анатолий. Такой свидетель был очень ценен для меня. Вскоре Дарья Федоровна приехала в наш музей. Ее рассказ был очень интересным.

Да, Анатолий действительно был командиром партизанского отряда из окруженцев, сражавшихся в июле 1941 г. в районе Быхов — Чаусы — Кричев. Большинство партизан — офицеры. Всего их было к концу 1941 г. и в начале 1942 г. восемь человек. Это люди разных национальностей. Анатолий Александрович Гришин — татарин, мать его — учительница. Имя матери — Рая, имя девушки, с которой он дружил и о которой рассказывал, — Люба. Любимая песня «Любушка-голубушка». В 1938 г. Анатолий окончил военное училище в Ленинграде, это училище он называл краснознаменным. Ходил Анатолий в дубленом полушубке, имел пистолет. Среднего роста, крепкий, очень жизнерадостный, он знал несколько языков, отлично говорил по-русски. Никто никогда не видел его злым. Очень хорошо относился к людям. Были еще с ним партизаны нерусской национальности Роман, Василий (до войны учитель) и русские — Мишка, Женя-студент, кажется, из-под Москвы. Был молодой, всегда напевавший песню об Одессе, розовощекий Костенька.

В одном из боев в районе д. Костюковка Гришин был тяжело ранен. Пуля попала в лопатку и прошла через левое плечо, недалеко от сердца. С такой тяжкой раной его везли на санях много километров. Анатолий потерял много крови, но мужественно переносил боль.

Гришина привезли в деревню Гурко-Нива, сначала в дом тетки Шеметовой — Марии Евменовны, затем его перенесли к самой Дарье Федоровне. Прятала она его днем в специальном окопе за стеной дома. Из дома были два выхода — один из них прямо в окоп. Потом товарищи забрали Анатолия в землянку. Недели две спустя больной командир снова пришел к Шеметовой. Дарья Федоровна вспоминает такой эпизод. Они с матерью постелили Анатолию на топчане, но он снял всю постель и объяснил удивленным хозяйкам:

— Если неожиданно налетят полицаи или немцы, сразу увидят постель, схватят вас, будут пытать. Нет, полежу на досках, так для вас будет безопаснее.

После гибели Анатолия в бою в лесу возле д. Гурко-Нива его тело лежало на снегу около двух месяцев. Немцы объявили, что если партизанский командир будет похоронен, то они сожгут шесть деревень. Но весной труп Толика похоронил один из его самых активных помощников из числа местных жителей Семен Иванович Вайлунов. Он работал в полиции, но был и снабженцем, и разведчиком, и связным отряда Гришина. После освобождения нашего края Вайлунова не судили за службу в полиции, учитывая его помощь партизанам и отношение к населению.

После разговора с Шеметовой мы решили послать по деревням района нашего поиска экскурсию школьников. Группа писнеров 7-го класса школы № 5 города Кричева пошла в поход по деревням Зайцева Слобода, Гурко-Нива, Сечи́хи, Волчас, Горки, Губинщина. Руководительница похода пионервожатая Аня Шнейдерман внимательно выслушала меня. Я объяснил ей, что искать, как искать и где искать. Вернувшись из похода, юные следопыты представили подробный отчет. Подтверждались сведения, собранные мною раньше. Отряд окруженцев действовал с лета 1941 г. Были совершены диверсии на железных и грунтовых дорогах, уничтожалась телефонная связь. Отряд выдержал несколько тя-

желых боев с фашистами, среди них и бой в районе д. Комаровка. Последнее меня не удивило, ибо в том, что именно отряд Анатолия сражался в Комаровке, к этому времени у меня не было сомнений.

Незадолго до того в музей пришел инвалид Отечественной войны Семен Григорьев из деревни Дарливое, расположенной недалеко от Комаровки. Я ему рассказал то, что знал об отряде Анатолия, и высказал предположение, что в Комаровке тоже сражался этот отряд. Григорьев убежденно сказал, что партизаны пришли именно оттуда. Шли они через деревню Дарливое, а ночевали перед боем у соседей Григорьева — Исаевых.

Через несколько дней состоялась моя встреча с Николаем Исаевым. Да, говорит он, в ночь приблизительно на 21 февраля 1942 г. к ним в дом пришла группа партизан — семь человек. Пришли они поздно, около одиннадцати часов ночи. Буквально за несколько минут до их прихода село прочесали каратели и ушли. Партизаны постучались, попросили разрешения погреться и переодеться — один из них попал в воду в торфяном карьере возле деревни Дорогая. Все они были невероятно измотаны.

Партизаны вели себя очень уважительно. Трое из них нерусские. Были вооружены автоматами, полуавтоматическими винтовками и имели два ручных пулемета Дегтярева. Расспрашивали о деревнях, расположенных возле Кричева. Вероятно, не хотели осведомляться о направлении на Темный Лес, чтобы не выдать свой маршрут. Ушли они по направлению к Комаровке. Назавтра был бой, и четверо из партизан погибли.

Итак, два направления поиска слились. Как я и предполагал, сподвижники Анатолия вырвались из кольца карателей, пошли через Лушевинки, Дорогую и Дарливое и стали героями боя в Комаровке.

Как же узнать, кто они? Откуда пришли? Несколько лет назад на одну из радиопередач, в которых я участвовал, откликнулся Василий Тимофеевич Трубников, бывший окруженец, живший в 1941—1942 гг. в д. Сычик нашего района. Узник Кричевского и Борисовского лагерей смерти, он стал затем партизанским разведчиком. Я подумал: а не слышал ли Трубников об Анатолии, ведь Сычик и Гурко-Нива расположены недалеко друг от друга.

Ответ превзошел все мои ожидания. Вот строки из письма В. Т. Трубникова: «Толика-татарина я знал лично. Это лет 20—22, стройный, подтянутый юноша с правильными чертами лица, я бы сказал, красивыми; смуглый, чуть выше среднего роста, с очень умными живыми черными глазами. Уныния он никогда не знал, страстно верил в нашу победу. Если не изменяет мне память, он лейтенант Красной Армии. С его группой я познакомился в августе 1941 г., вскоре после того, как он убил немецкого офицера, ехавшего в автомашине. Названия этой деревни, расположенной примерно в четырех километрах южнее Сычика, я не помню. Через день немцы, по доносу предателя, расстреляли у школы хозяина дома, где скрылся Толик. Я с товарищами ходил к этой школе, где на стене была еще свежая, запекшаяся кровь.

Позже группа Толика из четырех человек часто заходила в д. Сычик. Группа хорошо была вооружена, в том числе и немецким оружием. В окрестных деревнях у них появились свои люди. Группа проводила диверсионную работу. В октябре 1941 г. под Веремейками был спущен под откос вражеский эшелон. Говорили, что это работа его группы. Толик был против того, чтобы оседать в деревнях. С наступлением зимней стужи мы потеряли их из виду. Помню, только в феврале 1942 г., когда Давыд Марков* внезапно (а в деревне это сразу стало известно) стал собираться в карательную экспедицию, мы с тревогой узнали, что

* Староста, злобный палач, впоследствии расстрелянный партизанами, человек, от которого отказались жена и дети еще в годы оккупации.— М. М.

недалеко, у д. Сечихи, есть партизанская землянка, на разгром которой и едет Давыд».

Перед отъездом Марков похвастался односельчанам, что в случае успеха операции немцы дадут ему землю. Вернувшись из экспедиции, он рассказывал, что ранили и захватили одного партизана и его зверски мучил начальник полиции Даниил Тимошенко (кстати, по некоторым данным, Тимошенко и ныне где-то скрывается от суда народа).

Письмо Василия Трубникова было для меня документом важнейшего значения. Это было свидетельство человека, не раз встречавшегося с Анатолием и его товарищами.

Теперь было время мне самому пройти по деревням, где знали Анатолия, где были у него друзья, помощники и где, конечно, были и враги. Нужно было побеседовать не только с партизанскими помощниками, но и с тогдашними полициями, старостами, отбывшими наказание. А с этой публикой беседовать трудно — не любят они вспоминать годы оккупации. Некоторые из них даже не против, чтобы историк-краевед прекратил поиск или исчез из числа живых вообще. Ведь бывало же, что историки находили скрывшихся от справедливого суда людей, на совести которых немало черных преступлений.

3. РАССКАЗЫВАЮТ УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ

Найдутся люди, которые скажут: зачем было посылать активистов по местам событий, не проще ли сразу отправиться туда самому? Но дело в том, что музей ведет работу по множеству тем. Каждый день посетители сообщают нам те или иные факты, заслуживающие внимания. Естественно, что музей не в состоянии своими скромными силами производить розыски по всем намеченным направлениям. Лишь когда наши активисты на местах подтверждают правильность полученных сведений и помогают установить конкретный маршрут поисков, мы можем вплотную приступить к делу.

Первая деревня на моем пути — Зайцева Слобода. Сюда переехала из Гурко-Нивы Мария Евменовна Шеметова. Ей семьдесят лет. Возраст такой, когда не все хорошо помнится. Но первое знакомство с Марией Евменовной показало, что она помнит много интересного из жизни отряда Анатолия.

Уже в августе 1941 г. Толика и его друзей знали в деревне Гурко-Нива. Партизаны провели немало смелых операций. Ближе к зиме, когда немцы стали готовить на них большими силами поход, партизаны ушли в Зобачев — деревню, расположенную километров на двадцать западнее Гурко-Нивы. И там они сражались с фашистами.

Однажды в деревне Костюковка партизан, пришедших помыться в баню, окружила полиция. Начался бой. Раздетые, лежа на снегу, партизаны стреляли по изменникам. Другие в это время одевались и сменили товарищей. Особенно в этом бою отличился сам Анатолий. Своим автоматом он сдерживал полицейских очень долго. Думали полицаи, что вот-вот схватят окруженного Гришина, а он их отбил. Но в этом бою командир получил тяжелую рану. Ребята вынесли его из боя, а потом привезли на санях в деревню Гурко-Нива в дом Марии Евменовны. Она послала за своей племянницей Дарьей Федоровной, которая перевязала рану. Мария Евменовна вспоминает, что вели себя партизаны очень культурно. Народ им помогал с охотой. В их землянке были шахматы, патефон. Дарья Федоровна отдала им свои пластинки.

Как же звали партизан? Вспомнить их имена помогала Марии Евменовне дочь Анастасия, которой в 1941 г. было 18 лет.

Командир — Анатолий Гришин. Был еще молодой, выше среднего роста. Женя, кажется Соловьев, из-под Москвы. Был Роман, небольшого роста, русский. Он погиб одним из последних в Волчase. Вместе с ним погиб Василий — плотный, смуглый, лицо в оспинах. Были еще Михаил Ерма-

ков, Николай, Алексей. Был Костя, веселый, светловолосый, с очень юным цветущим лицом, будто он только и делал, что ел свежую сметану. Потому и прозвали его «Сметанником».

«Он все время пел песни и особенно про Одессу,— вспоминает Анастасия.— Был очень веселый, приветливый. Встретит меня, спросит:

— Как дела, Настенька?

— Плохо, фашисты жить не дают.

— Ничего, скоро им капут, Настенька. Россию и Одессу не победит никто».

(Рассказ Марии Евменовны Шеметовой указал новое направление поисков — деревня Зобачев. Там побывал со своими учениками один из самых энергичных наших сельских краеведов — учитель Иван Архипович Ткачев. Он нашел землянку партизан и собрал новые сведения о них. Иван Васильевич Меренцов, в годы оккупации подросток, рассказал, что в этом районе действовал немецкий офицер, отличавшийся редкостной жестокостью. Анатолию удалось захватить этого изверга. С помощью Вани Меренцова он утопил его в речке Волчас, объявив гитлеровцу, что его казнят по решению партизанского суда.)

Следующий пункт моих розысков — деревня Гурко-Нива, бастион отряда Анатолия.

На окрестности встретил двух женщин: Чугункову и Царькову. Узнав, зачем я пришел в их деревню, они оживились. Как же, партизан Анатолия здесь все знают. Даже полицейский Семен Вайлунов немедленно дает два выстрела. Значит, партизанам идти нельзя. А если надо, Мария Евменовна Шеметова вывесит красное платье над забором. Вот тебе и знак. И есть давали им и обогревали, а дети оружие им собирали. Лучшим другом и помощником им был Семен Вайлунов. Он баню топил, продукты возил и их друга Гришу, когда тот заболел, у себя держал.

Мы беседуем с Семеном Вайлуновым. Да, он был для отряда и снабженцем и разведчиком. И на подводе к ним в землянку возил продукты и оружие. Баню топил, ведь хлопцы чистоту и порядок любили, хотя и жили в страшной тесноте в землянке. Был еще с ними Старухин Григорий Иванович. Болел он часто и сильно малярией. Старухин из Саратовской области. После войны письмо присылал, но как-то затерялся его адрес. Имена партизан — Анатолий Гришин, Женя Соловьев, Роман Муханбеков, Михаил Ермаков, Василий, Николай, Алексей, Костя. Их сначала много было в отряде. Кажется, два Анатолия и Николая два. Это подтверждают и односельчанки Вайлунова — Боборыкина и Шабловская.

Семен Вайлунов долго рассказывает об Анатолии, о его гибели, о том, что останки его за два месяца волки и вороны растащили. Голос старика дрожит.

— Взял я женщин, да и пошли мы и зарыли его косточки. А что там осталось: кусок черепа, да куски позвоночника. Ведь полицейские Толика так ненавидели, что два месяца ходили к землянке и из автоматов и винтовок били по его костям. Вот как он им в память вошел, в мертвого стреляли.

Александра Дюбанова — того, что подростком собирал оружие для отряда Анатолия, — я нашел в поле. Шла уборка. Дорога была каждая минута. Но, узнав, что речь идет об отряде Анатолия, люди отложили все дела. Они с детства слышали про этот отряд. Для такого дела и жаркого часа уборки не жалко.

Александр Дюбанов, с восхищением и любовью вспоминавший о «Толиках», указал мне человека, служившего при немцах в полиции. По настоянию колхозников тот нехотя рассказал о последнем бое Анатолия.

Против его отряда была послана специальная часть, знаменитая по

борьбе с партизанами. Руководил карательной экспедицией очень большой начальник из Берлина, с витыми широкими серебряными погонами. Его убил Анатолий. Тяжело раненный в правое бедро, Толик решил прикрыть отход отряда. Семеро ушло, а он погиб. Но бой был так построен Гришиным, что враги — двести эсэсовцев и восемьдесят полицейских — шли с двух сторон и долго палили друг в друга, а партизаны в обе стороны по ним. Партизаны ушли, а немцы все громили собственные цепи. Потом кто-то из них поднял на палке каску, и так разобрались, что бьют по своим.

Ценные показания дает Анастасия Шабловская. Долго беседуем с Филиппом Федоровичем Шеметовым. Он не раз на санях возил партизан и самого Анатолия Гришина на задания к ближним и дальним селам, к железной дороге. Сын Филиппа Федоровича Вася был одним из юных помощников партизан. В ноябре 1941 г. его вызвали в лес Чухва возле Гурко-Нивы. Анатолий в присутствии Романа и Василия спросил, хочет ли он помогать партизанам. Вася, которому было около 14 лет, подписал присягу, что будет служить Советской Родине и хранить партизанскую тайну. Он собирал для партизан оружие, сообщал им данные о немецких войсках и полиции, о настроениях людей, об окруженцах и т. д.

В деревне Сечиха я иду к семье Ивана Веркеева, поначалу много помогавшего отряду, но потом схваченного полицией и под страхом казни повешенного карателей к лагерю партизан в лесу Поповщина — туда, где несколько часов спустя погиб Анатолий Гришин. Родственники Веркеева рассказывают много интересного о первых шагах партизан, в том числе такую деталь: однажды летом Анатолий показывал одному из Веркеевых номер «Правды», говорил, что газета из штаба Брянского фронта.

Беседую я и с бывшим старостой Дударевым Василием Лавриновичем. Ныне он плотник. Сначала Дударев никак не хочет говорить, утверждает одно: «Никто не скажет, что Толикам мешал. Помогал, как мог тогда».

Постепенно я убеждаю Дударева, и он рассказывает ряд интересных деталей. Первыми к нему зашли Василий и Роман (Муханбеков) и предупредили: «Будешь обижать людей — расстреляем немедленно». Дударев указал партизанам, где хранится собранная для фашистов картошка. Выдавал им мясо, когда нужно было.

Семен Вайлунов, Филипп Шеметов, Валентина Тимофеевко и Анастасия Шабловская ведут меня к ели, где похоронен Анатолий. Потом переходим к разрушенной землянке. Рядом линия обороны — окоп «змейка» и склад боеприпасов. Вокруг шумит лес.

Лес, лес, если бы ты мог говорить! Какие бы потрясающие истории, поудивительнее многих легенд мы узнали! Ведь те отрывочные рассказы, которые мы слышали раньше, казались сказкой. А факты, которые открылись нам, показали, что эти рассказы были лишь бледным подобием героической правды.

Спи, Анатолий, спокойно в этом лесу, под этой елью. Думается, что будет здесь поставлен памятник, достойный тебя и твоих товарищей — героев боя в Комаровке.

Настала пора детально изучить историю этого боя. Один из ветеранов краеведческого общества, зав. районной контрольно-семенной лабораторией Е. В. Мельникова ехала по службе в Комаровку. Ее я и попросил по предложенному мной плану собрать показания очевидцев, уточнить многие данные, выяснить целый ряд деталей.

4. БОЙ В КОМАРОВКЕ

Изучив по рассказам многих очевидцев шаг за шагом весь ход событий, Е. В. Мельникова смогла представить картину боя.

Партизаны пришли в деревню 21 февраля 1942 г. События произошли не в самой деревне Комаровка, а в расположенном рядом, на возвышен-

ности, у опушки леса поселке Ореховский. В дом Марии Морозовой ночью постучали. Она спросила: «Кто там?» Ответили: «Полиция». Морозова со страху притихла. Тогда из-за двери донеслось: «Не бойтесь, свои».

В дом вошли четверо вооруженных людей. Они попросились переночевать, побыть до вечера следующего дня. Молодая хозяйка согласилась. Да и как было не согласиться при виде этих бесконечно усталых людей. Нашлось в хате сало, хлеб, молоко. Гости легли прямо на полу, попросив разбудить их на рассвете.

С болью и горечью смотрела Морозова на этих измученных, сразу уснувших молодых ребят, лежавших на полу в обнимку с винтовками и автоматами. Она боялась за них, часто посматривала в окно, опасаясь полиции.

На рассвете Мария разбудила партизан. Как им не хотелось вставать! Но она настойчиво тормошила их. Партизаны хотели было забраться на хату, но там оказалось много снега, и хозяйка предложила им укрыться в сарае, обещая, что она будет наблюдать за деревней. Морозова занесла в сарай шубу, одеяло, ведь был очень холодный февральский день. Позже она принесла партизанам отварной картошки, меду, сала, молока, хлеба. Они ели с аппетитом. Один из них сказал: «Как давно мы так вкусно не ели. Вы нас накормили, как на великий праздник. Большое вам спасибо!».

Потом партизаны долго о чем-то тихо разговаривали. Казалось, они готовились к чему-то важному. Они сказали Марии, что трое их товарищей ночуют у Морозовой Анастасии Матвеевны, и просили предупредить их, чтобы никому не говорили о ночевке и были начеку.

Но у Анастасии Матвеевны был полунемой сынишка. Он сказал на улице полицая Капорскому, что у них ночуют дяди, а у дядей «ту-ту». Капорский немедленно сообщил об этом начальнику полиции Шаткину, гнуснейшему из изменников (оба и по сей день скрываются где-то от правосудия). Шаткин немедленно бросился в Кричев в гестапо.

Мария Морозова прибежала в сарай и рассказала, что Шаткин уже поехал в Кричев за карателями. Партизаны ответили: «За чем придут, то и найдут. Не волнуйтесь. Если можно, дайте пообедать». После обеда Мария вышла на улицу. Посмотрела вокруг и ахнула. Со всех сторон на поселок шли сотни фашистов в черном. Это были эсэсовцы. Она влетела в сарай: «Хлопцы, немцы кругом, вот уже рядом. Их видимо-невидимо. Спасайтесь!».

«Ну и пусть. Найдут, что ищут,— раздалось в ответ. — А ты, хозяйка, убегай поскорее».

Не знала Мария Куприяновна, что перед нею люди, никогда без боя, без удара по врагу не уходившие со своей позиции. А вот фашисты сразу поняли, что перед ними те самые партизаны, которые нанесли им удар в лесах под Гурко-Нивой и которых они не смогли нагнать сутки тому назад. Потому они и двинули к поселку Ореховскому такое количество солдат на платформах, прицепленных к специальному паровозу.

Создалась сложная ситуация. Немцы осадили поселок, имевший всего одну улицу, со всех сторон. Четверо партизан вели огонь по врагу с одной стороны улицы, а трое с другой, располагаясь друг к другу спиной.

Было слышно, как ровно работают два пулемета Дегтярева, автоматы, винтовки. Партизаны били методически. Фашисты бросались в психическую атаку раз за разом, а партизаны, не отходя ни на шаг, косили их, как на учении. Да, это был знакомый фашистам почерк боя отряда Анатолия.

Но вот иссякли патроны у четверки. Зажжен сарай. По шлейфу его дыма в эту ясную зимнюю ночь нужно уходить к болотцу, а там в близкий лес. Один из партизан, судя по всему раненый, упал у горящего

сарая. Он продолжал стрелять, хотя ноги его уже лизал огонь. Так и умер он, когда обуглились ноги. Так и остался лежать у сарая.

Трое бежали к болотцу. И здесь, как говорят, один местный житель, позже пользовавшийся льготами у фашистов, показал немцу, бывшему из пулемета: «Пан, вон они бегут, русские». Так и были они срезаны на конце огорода. Высокий русский в шинельном пиджаке, с двумя гранатами. За ним второй и третий — казахи или татары — с пистолетами в руках.

Трое сражавшихся на второй стороне улицы вырвались сквозь цепи врага, проложив себе дорогу огнем, и ушли в лес. Фашисты недолго преследовали троих партизан. Была ночь, и немцы не рискнули войти в лес. В это время со стороны деревни Прусин показался обоз — это ехала на санях полиция на подмогу фашистам, уже несколько часов ведущим бой. Но уже затих грохот пулеметов у поселка Ореховский, только полыхало зарево пожара — каратели подожгли хаты, где ночевали партизаны. Фашисты были уверены, что троих из них, успевших уйти (среди которых один ранен), теперь не найти, они удрали за десять верст. И неожиданно с опушки леса по подводам с подкреплением ударили три автомата. Огонь был метров с пятнадцати и такой плотности, что немцы и полицаи в страхе побежали.

Фашистское командование было потрясено не только итогом боя в Комаровке, но и тем, что трое партизан вместо того, чтобы скрыться в лесу, еще раз вернулись, собрали патроны у убитых немцев и организовали засаду. Это казалось невероятным. Фашисты были уверены в том, что отряд Анатолия — это особое специальное подразделение, «подготовленное Кремлем» для беспощадной борьбы в тылу врага. Убитые в Комаровке партизаны до весны лежали не похороненными. А за головы троих живых была обещана неограниченная награда. Двое из них — Роман Муханбеков и Валиула (его называли Васктием) Валиев или Алиев погибли 22 апреля 1942 г. в деревне Волчас в бою с отрядом полиции. Василий сгорел, но не сдался, а Роман был убит из засады в спину и ныне скрывающимся от возмездия полицаем по кличке «Блин». Лишь Михаил Ермаков остался в живых. Он создал отряд, который после влился в соединение «Тринадцать», пришедшее к нам из Смоленщины.

5. ПИСЬМА ИЗ ВОЛЬСКА

Итак, стало ясно, что партизан было не восемь, а гораздо больше. Теперь я знал, что один из партизан в деревне Лушевинки был застигнут полицаями в крестьянском доме. Он храбро отбивался. Тогда изменники пригрозили, что сожгут дом и всю семью, если партизан не выйдет на улицу. Партизан, с виду татарин или казах, вышел на улицу и застрелился. Эта была последняя пуля в его пистолете.

Знал я также, что был еще один партизан по имени Михаил (не Ермаков). О нем рассказывал мельник Николай Кузьмич Остапенко. Бежав из плена, Остапенко удалось пробраться в родное село. Здесь он узнал, что его семья помогает отряду Анатолия. При встрече с партизанами Остапенко сказал было, что если бы ему дали отдохнуть после лагеря смерти, он бы тоже помогал. Михаил твердо ответил: «Отдыхать будем все вместе — после победы над фашистами». Впоследствии Михаил был зарублен кулаком Сиваковым в деревне Зайцева Слобода. Как говорил Семен Вайлунов, другой партизан — Аттаула Абубекиров — погиб во время диверсии на железной дороге, прикрывая отход группы. Да два Анатолия и два Николая — это уже тринадцать!

Теперь мною овладела мысль — разыскать хотя бы одного из сподвижников Анатолия. Единственный оставшийся в живых партизан из легендарной восьмерки — Михаил Ермаков — по слухам, окончил войну

в Берлине, жил в Ульяновской области, но потом куда-то уехал, и мы не смогли его разыскать. Оставался еще Григорий Старухин. Но как его найти?

И здесь на помощь пришло телевидение. В одной из передач альманаха «Подвиг» я рассказал телезрителям то, что мне было тогда известно о легендарном отряде. Пришло много откликов из разных уголков страны. Но одно письмо особенно привлекло мое внимание. В. Ф. Булгаков из Вольска Саратовской области сообщал, что в их городе живет участник Отечественной войны Григорий Иванович Старухин.

Ушло письмо в Вольск. Ответила дочь Старухина: да, Григорий Иванович партизанил «где-то в районе города Кричева». Но сейчас отец тяжело болен и лежит в больнице.

Я обращаюсь к военкому г. Вольска и прошу сообщить мне, в какой части служил Г. И. Старухин. Быть может, в архивах части сохранилось его личное дело. Прошу также, если это возможно, записать воспоминания Старухина в больнице.

Военком ответил, что Григорий Иванович Старухин написал воспоминания, которые прилагаются. Позже Старухин пришлет подробные воспоминания и фотографии.

Из краткого объяснения Старухина военкому следовало, что в 1941 и в начале 1942 г. он был в составе отряда Анатолия Павлова и Анатолия Гришина, сформированного из бойцов Красной Армии, оказавшихся в окружении на Витебщине, в Быховском, Чаусском и Чериковском районах Могилевской области. В отряде было сначала 32 человека, из них 90% — командиры и политработники. Три батальонных комиссара: Анатолий Иванович Павлов, Григорий Иванович Старухин, зам. нач. химвойск 13-й армии по политчасти, и белорус Семен Сорока, 1900 г. рождения. Был капитан-интендант Николай Качуро, тоже белорус, 1898 г. рождения. И Сорока и Качуро, по их словам, в прошлом минские железнодорожники. Был лейтенант-чуваши Афонин, до войны преподававший литературу в вузе или техникуме в Чувашской республике. С помощью Старухина он сочинил партизанский марш. Сражались в отряде два лейтенанта-летчика: Расул (Сергаш) Дюсембаев и Василий Назаренко. После войны Расул был журналистом в Казахстане и умер в 50-х годах. Василий Назаренко родом из-под Мелитополя. Воевал после выхода из партизанских лесов в 17-й воздушной армии*.

Старухин рассказывал, что отряд вел очень тяжелые, но успешные бои с фашистами на дорогах. Семь пулеметов Дегтярева, автоматы, винтовки, гранаты помогли еще летом 1941 г. в пух и прах разгромить колонну фашистов, везшую понтоны и другое инженерное имущество. 10 или 12 сентября группа подрывников на железной дороге Могилев — Чаусы — Кричев пустила под откос эшелон с артиллерией, танками и танкистами. В операции участвовали Афонин, Дюсембаев, Назаренко, Старухин. 27 сентября группа, в которой были Семен Сорока, Старухин и житель Гурко-Нивы Семен Вайлунов, минировали грунтовую дорогу. Григорий Иванович называл еще ряд операций, таких, как подрыв и разгром колонны автомобилей с авиабомбами в лесу, и др.

Он рассказывал лишь о тех операциях, в которых участвовал сам. А сколько было операций, о которых знали лишь отдельные партизаны да заместитель командира по боевой части Анатолий Гришин!

Вскоре Старухин по моей просьбе прислал сохранившиеся у него партизанские фотографии и более подробные воспоминания, потом еще письмо и еще. А я все просил уточнений и объяснений.

Если всего партизан было 32, то куда делись остальные? Старухин ответил, что в конце 1941 г. 14 человек во главе с Анатолием Павловым ушли за линию фронта. И Гришину предлагали уйти, но он ответил, что

* Я опубликовал в 1966 г. в Запорожской областной газете материал о Василии Назаренко, но не нашел его следов. — М. М.

здесь пока нет партизан, кроме них, и нужно бороться. Еще позже ушли за линию фронта Григорий Старухин, Алексей Прохоров из Куйбышевской области, Расул Дюсембаев, Василий Назаренко и другие. Вот тогда и осталось у Анатолия Гришина семь человек — он сам восьмой.

Из писем Старухина узнаю, что Анатолий Иванович Павлов — инженер-химик, работавший на Украине в кожевенной промышленности. Анатолий Гришин, по его словам, не учитель из Крыма, а слесарь-железнодорожник из села возле Анжеро-Судженска Кемеровской области. Служил до войны в 19-й армии. Это совпадало с рассказом одной жительницы нашего края, видевшей Анатолия до войны в Витебске. Там воевала и 19-я армия в 1941 г.

* * *

Завершен первый этап поиска. Сегодня мы можем назвать имена или фамилии уже не восьми, а шестнадцати партизан.

Анатолий Иванович Павлов, Анатолий Александрович Гришин, Расул (Сергаш) Дюсембаев, Василий Назаренко, Евгений Соловьев, Алексей Прохоров, Михаил Ермаков, Костя, второй Михаил (зарубленный кулаком Сиваковым), Семен Сорока и Николай Качуро, Григорий Старухин, лейтенант Афонин, Роман Муханбеков и Валиула Валиев (Алиев) — оба как будто бы из Западного Казахстана, Аттаула Абубекиров, татарин из Башкирской республики. Мы узнали, что отряду помогали окруженцы: Иван Бек-Мухамбетов, Михаил Федорович Сердцев — юноша из Архангельской области, Григорий Пыркин — сапожник, потерявший ногу, Иван Мосин — зоотехник из Орловской области.

Если кто-либо из читателей сможет помочь нам в установлении места жительства тех из партизан, кто остался в живых, или родных тех, кто пал в борьбе, мы просим написать в наш краеведческий музей в городе Кричеве Белорусской ССР.

Многое известно о легендарном отряде. Но многое еще нужно узнать для того, чтобы легенды белорусских лесов стали историей. Поиск продолжается.

